

Н.Л. Рубинштейн

Русская историография

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.Л. Рубинштейн**
Русская историография / Н.Л. Рубинштейн – М.: Книга по Требованию, 2023. – 640 с.

ISBN 978-5-458-27694-8

Фундаментальное разыскание Н. Л. Рубинштейна "Русская историография" впервые дало полную историю развития русской исторической науки от ее начала в летописях Киевской Руси, кончая работами Советского периода. В книге показано последовательное накопление конкретных исторических знаний и развитие исторической мысли в связи с общим развитием истории России. Несмотря на обусловленную временем "идеологичность", труд остается до сих пор одной из лучших работ по отечественной историографии.

ISBN 978-5-458-27694-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое устраняет теперешнее состояние»¹.

Можно сказать, что подлинно научный труд по историографии также показывает, что исторический материализм «не состояние, которое должно быть установлено, не идеал», а «действительное движение». Движение исторической науки — такова тема исследования, исторический материализм — закономерное и неизбежное завершение пройденного пути. Движение исторической науки мобилизовало определенный запас исторических знаний, ставило определенные исторические проблемы, — в историческом материализме задача исторического познания получает свое законченное и единственное подлинно научное разрешение. Место отдельного историка на этом пути развития исторической науки определило реальную меру исторического значения каждого изучаемого исторического направления, каждого рассматриваемого историка.

Так автор понял стоящую перед ним задачу. Компетентные критики скажут, насколько он с нею справился.

Н. Рубинштейн.

Москва. МПФЛИ,
декабрь 1940 г.

¹ Маркс и Энгельс, «Немецкая идеология, Соч., т. IV, стр. 26.

ВВЕДЕНИЕ

Задача и тема марксистской историографии

Термин «историография» употребляется в литературе в двух значениях. В широком смысле, так сказать в обыденном употреблении, он обозначает вообще «писание истории».

Соответственно говорят об историографии того или иного периода, имея в виду исторические работы этого периода. Отсюда и звание историографа, употреблявшееся в XVIII и в начале XIX в.; Миллер или Карамзин получили звание «историографов» вместе с официальным поручением писать русскую историю. В специальном научном применении под историографией понимают историю самой исторической науки.

Вместе с тем задачи и содержание историографии определяются марксистским пониманием содержания самой исторической науки. Буржуазная историография зачастую смешивает историческую науку с непосредственным запасом исторического знания. Классики марксизма-ленинизма отчетливо разделяют эти два понятия. Энгельс писал о науке XVIII в.: «...знание стало наукой, и науки стали совершеннее, т. е. примкнули, с одной стороны, к философии, с другой — к практике»¹.

Процесс накопления исторических знаний, конкретного исторического материала—необходимая база, материальная основа, на которую опирается наука в своем развитии. Но только теоретическое осмысление внутренней связи явлений, только теоретическая мысль, раскрывающая в разрозненных фактах реальную систему действительных отношений, превращает знание отдельных исторических фактов в действительное познание истории, историческое знание—в историческую науку.

Поэтому и задача историографии как истории исторической науки — не простое подведение итогов и суммирование накопленных фактических знаний, — она изучает рост науки в развитии ее содержания, историю творческого пути науки в развитии научной мысли. Современная марксистская историческая наука

¹ Энгельс, Положение Англии. — XVIII век, Маркс и Энгельс, Соч., т. II, стр. 348.

является в какой-то мере действительным итогом пройденного наукой пути, и поэтому задача историографии — не формальная критика и разоблачение ограниченности пройденных этапов, с тем чтобы их осудить и отвергнуть, а раскрытие этого действительного пути развития в диалектическом преодолении прошлого, в творческом процессе критического освоения исторического наследия. «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество», — говорил Ленин на III съезде Комсомола. «...Только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру...»¹

Теория марксизма-ленинизма определяет и пути историографического изучения. Буржуазная историография сводила развитие исторической мысли к внешней смене и борьбе абстрактных идей, остающихся вне самой исторической науки и ее развития. Марксистская историография раскрывает прежде всего действительную историческую закономерность развития исторического познания в его внутреннем единстве и реальной обусловленности. Когда Энгельс говорит о связи исторической науки с философией и практикой, то это означает, что история является частью идеологии и как вся идеология определяется в своем развитии действительным развитием самой исторической жизни.

Поэтому марксистская историография изучает развитие исторической науки в связи с развитием общественных отношений, в общем развитии исторического процесса. Ее историческая обусловленность при этом особого, двойного характера. Она выступает не только как продукт исторического развития, но и как его «отражение».

Историческое знание есть элемент общественного сознания человека. «Сознание вообще *отражает* бытие, — это общее положение *всего* материализма», — писал Ленин. — «Общественное сознание *отражает* общественное бытие — вот в чем состоит учение Маркса»². Теория отражения, отбрасывая идеалистическую теорию тождества сознания и бытия, «...признает общественное бытие независимым от общественного сознания человечества. Сознание и там и тут есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное (адекватное, идеально-точное) его отражение»³.

Подлинное историческое знание, это — знание действительного развития человечества, это — познание необходимости и неизбежности утверждения коммунизма как теории и как практики. Изучение исторического процесса есть изучение пути, ведущего человечество от начальных форм общественного строя

¹ Ленин, Соч., т. XXX, стр. 407 и 406.

² Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 264.

³ Там же, стр. 266—267.

к коммунизму; изучение исторической науки раскрывает путь познания тех законов исторического развития, который привел коммунизм от утопии к науке, который лег в основу всего учения марксизма-ленинизма.

Именно в этой двойной связи непосредственного развития самого исторического процесса и развития исторического познания — особое значение изучения развития исторической науки.

История дает не просто развитие человеческих представлений в науке; являясь «приблизительно верным отражением» самого исторического развития и в то же время познанием этого развития, она является опосредствованным и потому наиболее полным и адекватным отражением самой исторической жизни. История развития исторической науки есть своеобразное развитие общественного самосознания в истории.

Развитие исторической науки и возникновение историографии Историческая наука, как «отражение общественного бытия», и историография, как наука о ее развитии, сами подчинены закону исторического развития. «Сама идеология есть только одна из сторон... истории»¹.

Историография как наука появляется позже самой истории, так как предполагает в качестве предпосылки существование истории как науки. Поэтому для историографии нет места ни в античном мире, ни в средние века, когда история причисляется к искусствам или служит религиозно-нравоучительным целям. Для этого периода отсутствует самая проблема истории как науки. Историческое мышление человека еще не выходит за рамки простого воспроизведения факта, причем в представлении человека его индивидуальное восприятие исторического события вполне адекватно последнему, а сама историческая наука — лишь непосредственное воспроизведение этого восприятия. Налицо первичные элементы исторического представления — индивидуальное воспроизведение события, но отсутствует самая проблема исторического познания, т. е. основа истории как науки, и, следовательно, не может быть и проблемы развития исторической науки, т. е. историографии. По яркой характеристике Гегеля, писатель этого периода «воспроизводит непродолжительные периоды, индивидуальные образы людей и происшествий; нарисованная им картина воспроизводит без рефлексии (курсив мой. — Н. Р.) отдельные черты так, чтобы вызывать у потомков столь же определенное представление об изображенном, сколь определено оно представлялось ему в воззрении или в наглядных повествованиях»².

Только назревание существенных качественных изменений в структуре феодального общества, назревание в недрах его глубоких политических и классовых противоречий нарушает

¹ Маркс и Энгельс, *Немецкая идеология*, Соч., т. IV, стр. 18, примечание.

² Гегель, *Философия истории*, Соч., т. VIII, стр. 4.

эту кажущуюся «гармонию» и порождает необходимость перехода от простого воспроизведения факта к познанию его смысла и значения, а вместе с тем и необходимость критики самих исторических представлений. Начало принципиально нового периода связано с более глубокими изменениями социального порядка, с оформлением и выступлением на арену нового класса—буржуазии, с назреванием конфликта между двумя историческими формациями. В истории европейских стран этот процесс совершается на переломе от XVII к XVIII в. Этот период и характеризуется Энгельсом как период превращения знания в науку. «XVIII век объединил результаты прошлой истории, бывшие до того отрывочными и случайными, и развил их необходимость и внутреннее сцепление. Бесчисленные перепутанные данные познания были упорядочены, обособлены и приведены в причинную связь; знание стало наукой, и науки стали совершеннее, т. е. примкнули, с одной стороны, к философии, с другой — к практике. До XVIII века науки не существовало...» В истории «...мы встречаем теперь впервые многотомные компиляции по всемирной истории, еще без критики и совершенно без философии, но все-таки всеобщую историю, вместо прежних исторических отрывков, ограниченных данным местом и временем»¹.

В порядок дня становились два важнейших вопроса, определившие дальнейшее развитие истории как науки. С одной стороны, проблема исторического процесса, т. е. внутренней связи исторических событий, его обусловленности и исторической направленности; с другой — вопрос о самом познании исторических событий на основании свидетельств источников, проблема источниковедения. Но методы научной критики еще только вырабатываются, а связь событий остается чисто внешней. История только «примкнула» к философии и к практике, вступила с ними лишь во внешнюю связь.

Преодолеть эту разобщенность дано было только в XIX в. Буржуазная революция конца XVIII в., «скачок» из феодальной формации в капиталистическую, требовала своего осмысления и раскрытия. Внешний разрыв надо было преодолеть анализом внутренней закономерности органического развития. Рождение новой науки XIX в. Ленин связывает с бурными революциями, «...которыми сопровождалось падение феодализма, крепостничества, везде в Европе и особенно во Франции»². Эти события породили лучшее, «...что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма»³. В этих условиях буржуазная историо-

¹ Энгельс, Положение Англии.—XVIII век, Маркс и Энгельс, Соч., т. II, стр. 348—349.

² Ленин, Три источника и три составных части марксизма, Соч., т. XVI, стр. 352.

³ Там же, стр. 349.

графья в короткий период своего подъема впервые формулирует идею классовой борьбы в истории.

В этих условиях впервые возникает и проблема развития исторического познания, исторической науки, т. е. возникает наука историографии. В этом вопросе, как и в ряде других, передовую позицию в буржуазной науке занимает философия Гегеля. Глубокий историзм, проникающий всю гегелевскую философию, впервые пытавшуюся познать мир в его «самодвижении», изучавшую все человеческое знание в его развитии, определил и гегелевскую трактовку исторической науки. В «Философии истории» Гегель сделал первую попытку дать научную концепцию развития исторической науки, которая определила направление историографических исследований первой половины и середины XIX в. Гегель устанавливал три этапа в развитии исторической науки.

Первый этап — «первоначальная история», по определению Гегеля — история «без критики и без рефлексии»: «историки описывали преимущественно протекавшие на их глазах деяния, события и состояния, причем сами они были проникнуты их духом и переносили в сферу духовных представлений то, что существовало вовне».

Второй этап — «рефлексивная история» — соответствует Энгельсовской характеристике XVIII в. Ее содержание раскрывается в указываемых Гегелем подразделениях на всеобщую историю, прагматическую историю и критическую историю. В этот период разрабатываются вопросы исторической критики, прежде всего критики источника, и вопросы связи между событиями.

Современную историческую науку XIX в. Гегель определяет как «философскую историю», как «мыслящее рассмотрение» исторического процесса. Ее содержание — раскрытие закономерности исторического развития, понимаемой самим Гегелем с буржуазных идеалистических позиций. «...Всемирная история, — говорит Гегель, — есть выражение божественного, абсолютного процесса духа... благодаря которому он осуществляет свою истину, доходит до самосознания»¹. На основе Гегелевской философии истории проблема историографии обозначается теперь именно как «история самосознания».

Нельзя при этом не остановиться на том, что историческая наука начала XIX в., буржуазная историческая наука в эпоху своего подъема, выдвигает ряд определений и формулировок, стоящих как бы на грани нашей марксистской науки и все же столь же отличных от определений последней, как идеализм от диалектического материализма. Так, Маркс называл Тьерри

¹ Гегель, Философия истории, Соч., т. VIII, стр. 3—12 и 51.

«отцом классовой борьбы в истории», но это было не марксистское понимание классовой борьбы, это была классовая борьба без учения об общественно-экономических формациях и о диктатуре пролетариата. Диалектика марксизма-ленинизма поставила с головы на ноги гегелевскую диалектику, раскрывая «диалектику вещей», которую Гегель только «...у г а д а л... в диалектике понятий»¹. Так и гегелевскому учению о «самосознании» абсолютного духа в истории противостоит марксистское понятие общественного самосознания, т. е. исторически обусловленного и развивающегося как «отражение общественного бытия» познания исторического развития человеческого общества.

Кризис буржуазной науки и судьба буржуазной историографии

Буржуазия, впервые осознающая проблемы современной исторической науки в период борьбы со старой феодальной системой, в период своего исторического подъема, была неспособна дать их законченное разрешение.

Как логика событий в своем последовательном развитии должна была обратиться против нее и выковать пролетариат в качестве подлинного и до конца последовательного борца за историческое развитие общественных сил, за освобождение общества от «всякого рода гнета», так и учение Маркса — «...законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке»².

Буржуазная наука последовательно отказывается от лучших традиций начала XIX в. Она идет назад, возрождая разорванность исторического прагматизма, отказываясь от философского синтеза, от самого принципа органического развития в историческом процессе. Наступает «отчаяние в возможности научно разбирать настоящее... стремление наплевать на всякие обобщения, спрятаться от всяких «законов» исторического развития, загородить лес — деревьями...»³

В этих условиях меняется и трактовка историографической проблемы в буржуазной исторической литературе. Собственно говоря, утрачивается самая задача раскрытия единого процесса развития исторической науки. Вместо общих работ по историографии появляются специальные тематические историографические обзоры в специальных исторических монографиях, знакомящие с предшествующей литературой по данной специальной теме. Но вырванные из общего контекста развития исторической науки в целом, такие обзоры имеют скорее библиографический, чем историографический характер. Появляются и сводные исторические библиографии, «национальные библиографии» типа ра-

¹ Ленин, Философские тетради, стр. 189.

² Ленин, Соч., т. XVI, стр. 349.

³ Ленин, Соч., т. XVII, стр. 271.

боты Моно во Франции. Даже общие историографические работы вроде одного из самых серьезных компендиумов — книги Fueter'a «Geschichte der neueren Historiographie», имеют значительный уклон в библиографию. Соответственно и все это направление можно было бы назвать библиографическим.

Другую попытку уйти от основных проблем развития исторической науки представляет биографическое направление. Его можно обозначить этим термином, поскольку основным его признаком является стремление свести историю науки к биографиям ученых. Не развитие общественной жизни и общественного сознания, а личная биография ученого выдвигается как единственный источник исторических воззрений и теорий. Как образец такой трактовки исторической науки можно указать одну из новых историографических работ — книгу Gooch'a «History and historians of the XIX century» («Историческая наука и историки XIX века»).

Только в XX в., перед лицом сложившейся марксистской исторической науки, снова появляются попытки возродить философское направление в историографии с позиций неокантианства. Это направление получило одно из своих характерных выражений в философско-исторической концепции риккертанства, пытающегося теоретически упразднить принцип причинного объяснения органического развития, ликвидировать самую основу внутренней закономерности исторического процесса. Так, в историографической работе Below'a «Die deutsche Geschichtsschreibung von den Befreiungskriegen bis zu unseren Tagen» (1916) речь идет не об органическом процессе развития исторической науки, а о борьбе идеологических тенденций, последовательно возобновляющихся и повторяющихся и ждущих от историка только оценки. Эта оценка направлена прежде всего и непосредственно против марксизма, антагонистом которого и выступает это «нео»-философское направление.

Содержание курса Изучение истории на прочной научной
русской основе исторического материализма утверждено
историографии трудами Маркса и Энгельса и получило дальнейшее развитие в трудах Ленина и Сталина. Учение классиков марксизма-ленинизма об историческом материализме положено в основу настоящей разработки русской историографии. *Задача русской историографии — дать историю развития русской исторической науки в условиях развития русской истории, в связи с общим развитием общественной и научной мысли и с непосредственным ростом конкретного исторического знания.*

При этом определение конкретного содержания настоящего курса русской историографии требует известного уточнения и ограничения. Прежде всего его тема определяется как «русская историография». От изучения русской истории мы перешли к истории СССР, потому что нам нужна такая история СССР,

«...где бы история Великодержавии не отрывалась от истории других народов СССР»¹. Но в этом взаимодействии каждый народ сохраняет внутреннюю закономерность своего развития и развития своей национальной культуры. Поэтому и исторические воззрения, историческая наука, как часть идеологии, часть национальной культуры, связана с развитием последней и, таким образом, проходит у каждого народа свой путь исторического развития. Соответственно историография каждого народа может служить предметом самостоятельного научного исследования, прежде чем стать предметом изучения в единстве внутренней связи исторического и культурного развития народов нашего Союза. Историография Украины, Белоруссии, народов Кавказа и Закавказья и многих других народов нашего Союза не вошла в состав настоящего курса. Приходится в этой связи оговорить включение в курс Н. И. Костомарова; Костомаров был не только украинским историком, но и историком России, и поэтому принадлежит как украинской, так и русской историографии.

Другое ограничение темы: в настоящее исследование не вошли ни сочинения русских историков по истории других стран (прежде всего по истории Запада), ни иностранные исследования по русской истории. Первые хотя и отражают общий уровень теоретического развития нашей науки, но в то же время развиваются в зависимости от материальной базы, создаваемой развитием исторической науки соответствующей другой страны. Со своей стороны иностранная литература по русской истории вносит в последнюю теоретические и методологические достижения западноевропейской науки, но не изменяет реальной материальной основы национальной исторической науки и, напротив, сама от нее зависит.

Но расчленяя таким образом самые объекты изучения, мы должны с тем большей отчетливостью подчеркнуть внутреннюю связь отдельных областей исторической науки в их реальном взаимодействии. Историческая наука как часть идеологии развивается в условиях не только материальных, но и идеологических воздействий, в частности под значительным влиянием западноевропейской исторической науки, до новейшего времени опережавшей в своем развитии русскую историческую науку. В «Замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР» товарищи Сталин, Жданов и Киров в частности писали: «Конспект не отражает роли и влияния западно-европейских буржуазно-революционных и социалистических движений на формирование буржуазного революционного движения и движения пролетарско-социалистического в России»². Это указание целиком и полностью относится и к вопросам историографии.

¹ «К изучению истории», стр. 24.

² Там же, стр. 23.